

«ОБЛАКА»

30.11.10

В эфире программа "Облака"...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

24 ноября Государственной думой в первом чтении был одобрен законопроект, согласно которому водворение осужденных в штрафные изоляторы и другие помещения для наказания должно будет производиться "с указанием срока содержания после медосмотра и выдачи медицинского заключения о возможности нахождения в них по состоянию здоровья".

Заместитель министра юстиции РФ Дмитрий Костенников, представляя законопроект, заявил, что "наличие пробела в законодательстве ставит под угрозу права осужденных на охрану здоровья". Нельзя с этим не согласиться, если вспомнить о данных, обнародованных Генеральной прокуратурой в августе текущего года о том, что в наших тюрьмах и лагерях «более 90 процентов заключенных страдают от различных болезней и инфекций, туберкулеза, гепатита или ВИЧ».

Можно также добавить, что заключенные, страдающие инфекционными заболеваниями, несут прямую опасность и для общества в целом, ведь ежегодно из мест лишения свободы освобождается около 260 тысяч человек.

Эта поправка в уголовно-исполнительный кодекс замечательна и тем, что ее принятие не ляжет бременем на бюджет системы исполнения наказаний, и в то же время она представляет реальный пример гуманизма, который бы приветствовал знаменитый доктор Гааз, «святой доктор», как прозвали его заключенные России первой половины 19 века. В этом году исполнилось 230 лет со дня его рождения.

Антон Павлович Чехов писал: «В наше больное время подвижники нужны как солнце... они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что кроме людей, ...пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели.»

Фридрих Иозеф Хааз, родившийся близ Кельна в семье аптекаря в 1780 году, в 22-летнем возрасте получил степень врача-офтальмолога, вылечил русскую княгиню Репнину от редкого заболевания глаз и по ее приглашению приехал в Москву в качестве семейного доктора. В 1803 году он становится москвичом Федором Петровичем Гаазом. Его приглашают в аристократические дома, он обретает известность своей заботливой манерой лечить больных и одновременно просвещать их. Он лечит и мелких чиновников и купцов, а также, причем бесплатно, «сырых и униженных». В 1809-1810 годах он ездил по Северному Кавказу и изучал целебные минеральные воды, заложив, тем самым, основы науки курортологии. Он участвует как врач и в войне с Наполеоном. С русскими войсками попадает в Париж. Скоро он становится богатым, имеет подмосковное имение с сотней крепостных, суконную фабрику, большой дом на Кузнецком мосту. В 1822-1826 годах он занимает должность главного врача города Москвы. Жизнь Федора Петровича круто изменилась, когда его друг генерал-губернатор Москвы князь Голицын предложил ему войти в только что образованный московский Комитет попечительства о тюрьмах.

Будучи глубоко верующим католиком, Федор Петрович Гааз, после посещения московской пересыльной тюрьмы, пережил такое потрясение, что уже не мог «жить для себя», и отдал оставшиеся 26 лет своей жизни служению российским каторжникам и ссыльным.

Он не изменил ни одного закона, но добился очень многого: благоустройства камер, прогулочных дворов, нар и даже туалетов. Настоял на отмене 40-килограммового железного прута, к которому пристегивались по 10-12 ссыльных, шедших по этапу, вынужденных все делать вместе на протяжении своего долгого пути - и есть, и дремать, и отправлять естественные надобности – и все это на виду у всех. Как пишет Анатолий Федорович Кони, великий русский юрист: «Можно себе представить, сколько поводов для ссор, для драк даже, подавало такое насильственное сообщество. И так двигались на пруте по России и по бесконечному сибирскому тракту много тысяч людей, разъединенных своею нравственною и физическою природою, но сливавшихся в одном общем чувстве бессильного озлобления и отчаяния». Причем это не были каторжники, а всего лишь ссыльные, которых отправляли на поселения за легкие прегрешения.

Гааз был вдохновителем и мотором московского Тюремного комитета. Чтобы спасти невинно осужденного человека или облегчить участь больного заключенного, он не стеснялся обращаться к сильным мира сего и даже к царю. Он обрел славу чудака, юродивого, «утрированного филантропа», «сумасшедшего немца». Он провожал все этапы, которые в то время уходили из пересыльной тюрьмы на Воробьевых горах. За год до 6 тысяч человек отправлялись из Москвы по этапу в Сибирь. Гааз приносил им корзинки с едой, со сладостями, апельсинами, прощался с каждым, говоря слова утешения, обнимая, выслушивая жалобы. Всех заключенных он называл «несчастливыми».

* * *

Сегодняшние тюремные порядки, конечно, трудно приравнять к тем, которые существовали во времена доктора Гааза, но надо признать, кое-что, к сожалению, сохраняется и в наше время. Прежде всего - именно этот злосчастный прут, только в виде стального троса, который используется конвойными на станциях при пересадках этапированных заключенных из железнодорожного вагона в автозак. Эта мера предотвращения побегов нормативно никак не закреплена и, значит, не разрешена, но сами конвойные считают, что если поблизости нет прокурора по надзору, то использовать трос можно.

И жалобы от заключенных все еще приходят. Несмотря на совершенствование внутреннего законодательства, на международные обязательства России и на наличие различных механизмов защиты прав человека, из колоний и тюрем продолжают поступать мольбы о помощи. Вот выдержка из письма, полученного на прошлой неделе:

«Находясь в колонии г. N, я отказался выйти на зарядку. Да, я понимаю, что это нарушение режима. Но наказание, которому я подвергся, было просто ужасным. Сотрудники колонии по приказу начальника стали безжалостно избивать меня ногами в тяжёлых армейских ботинках. Били, куда попало: по голове, животу, спине, пытались попасть в наиболее уязвимые места. Я не отличаюсь спортивным телосложением, поэтому нетрудно представить, что со мной стало. От ударов я потерял сознание, очнулся уже в больнице, после проведённой операции по удалению селезёнки. В тот день меня сделали инвалидом. По словам врачей, у меня кровопотеря составила 2,5 литра».

* * *

Доктор Гааз, которого все каторжане и ссыльные России позапрошлого века знали как отца родного, говорил: «Между арестантом и вольным миром стоят не только каменные стены,

но и живая стена тюремного начальства, занятого прямыми своими обязанностями, в лучшем случае – бездушного, черствого, почти всегда равнодушного. Для тюремщика главное – поддержание и соблюдение порядка между всеми арестантами. Нужда, беда, тревога, право и интерес отдельной личности – ничто или почти ничто для тюремщика».

Гааз не оставил после себя ни продолжателей своего дела, ни печатных трудов. Заключенные, узнав о смерти «святого доктора», поставили ему в тюрьмах свечи. Похоронили его за счет полиции, так как все свои средства доктор Гааз потратил на нужды заключенных и больных. Через несколько лет его имя практически забылось. Анатолий Кони писал в своем очерке о Гаазе: «Среди равнодушного и преданного личным «злобам дня» общества, грозило умереть и то отношение к «несчастливым», которому были всецело отданы лучшие силы его души. Вот почему для нас, русских, его личность представляет огромный интерес.»

Федор Петрович был не просто из тех редких людей, чья совесть, чувство долга и религиозное чувство, не позволяют им жить, не замечая несправедливость вокруг себя и издевательства над другими людьми. Он из тех, кто, видя все это, начинают действовать и не успокаиваются до тех пор, пока не доведут дело до конца.

«Спешите делать добро!», не уставал повторять доктор Гааз. Он был убежден, что между преступлением, несчастьем и болезнью есть тесная связь, поэтому к виновному не нужно проявлять напрасной жестокости, к несчастному должно применять сострадание, а больному необходима забота.

Гааз перестроил на свои деньги тюремную больницу на Воробьевых горах, откуда начинался путь ссыльных в Сибирь. Он открывал больницы и школы для детей арестантов, выкупал крепостных, ходатайствовал о помиловании, пересмотре дел, добился отмены поголовного обриту для женщин. Он внес в тюремный миропорядок столько нового, гуманного и неординарного, что его идеи востребованы и сейчас. Иногда его называют правозащитником. Он проводил идеи прав человека через христианское учение. Тогда это был единственно возможный путь, который, однако, тоже не был легким. Митрополит Филарет, позже причисленный Церковью к лику святых, воспротивился тому, чтобы Гааз распространял среди заключенных Евангелие. Митрополит считал, что самостоятельное чтение Нового Завета простолудином, да еще и преступником, может вызвать опасные последствия.

* * *

Гуманистические принципы и права человека на русской почве явно прививаются с трудом. На прошлой неделе, через 157 лет после смерти доктора Гааза, в правозащитную организацию пришло письмо, из которого мы приводим лишь выдержки, без указания имен и места действия.

«В нашем учреждении», - говорится в письме, - «находятся наркозависимые, ВИЧ инфицированные, больные с открытой формой туберкулеза и тяжелыми хроническими заболеваниями. Живут они все вместе, в одних отрядах. Их не разделяют ни по форме, ни по тяжести заболевания. Больные туберкулезом моментально заражают больных с вирусом иммунодефицита, но никому до этого дела нет!

Избиение осужденных начинается с самого их поступления в учреждение. ... Избивая, заставляют подписывать заявления о том, что осужденные обязуются работать бесплатно. Люди работают по 14 и более часов в сутки, в том числе тяжело больные. В любую погоду и при любом самочувствии разгружают машины с лесом, таскают тяжеленные бревна. Кормят при этом ужасно! Заключенные валяются с ног от

усталости и голода. Нормальная еда предоставляется только во время выездных проверок руководств».

Доктор Гааз вряд ли поверил бы, что такое будет возможно в России через 150 лет. И в это действительно не хочется верить. После того, как было принято столько правовых норм и документов, защищающих права человека – и внутри страны, и на международном уровне.

К сожалению, пока не выработан эффективный механизм, который бы позволил достоверно проверять информацию, приходящую из мест лишения свободы. В этих учреждениях все так хитро переплетено, что для внешнего человека недоступно. В 19 веке ходила поговорка «У Гааза нет отказа». Так и сегодняшняя правозащита строится на принципе, что ВСЕ жалобы надо проверять ВСЕМИ доступными способами. Лишь бы не навредить. Рано или поздно все вскрывается и становится явным, особенно, в наш информационный век.

* * *

Проблемы соблюдения прав человека в системе уголовного правосудия в течение следующих двух дней будут обсуждаться на международной конференции **«Права человека в системе уголовного правосудия: международные документы, зарубежный опыт, российская практика»**, которая состоится 1-2 декабря 2010 года в Центральном Доме журналиста, по адресу: Москва, Никитский бульвар, дом 8А (станция метро «Арбатская»).

Ключевыми темами конференции станут: реформирование системы уголовного правосудия и исполнения уголовных наказаний с точки зрения международных документов; пожизненное лишение свободы, как альтернатива смертной казни; ювенальная юстиция как средство защиты прав и законных интересов ребенка. В рамках конференции состоится лекция всемирно известного норвежского криминолога **Нильса Кристи «Преступление как язык»** и презентация его новой книги.

В конференции примут участие международные эксперты, ученые, представители министерств и ведомств (Минюст, ФСИН, Верховный суд, Генеральная прокуратура), государственных и негосударственных правозащитных организаций России, Украины и Беларуси.

Конференция организована филиалом объединения **«ПЕНАЛ РЕФОРМ ИНТЕРНЭШНЛ»** в Российской Федерации при поддержке Центра содействия реформе уголовного правосудия, Института прав человека и Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Вы слушали программу Облака.

Всем привет!